

Французская Мессалина

Автор:

Оливия Клеймор

Французская Мессалина

Оливия Клеймор

Роман золотоволосой прелестницы и умницы Жанны-Антуанетты Пуассон, известной под именем маркизы де Помпадур, с французским королем Людовиком XV длился 20 лет. А готовиться к нему предприимчивая дочь лакея начала в детстве, услышав предсказание гадалки: «Ты станешь красивой, и тебя полюбит сам король». И она сделала все, чтобы ощутить «чувство сказочного воплощения мечты».

Прическа «а-ля Помпадур», женские охотничьи ботфорты с одноименным названием, стиль интерьеров «à la Reine», бриллианты огранки «маркиза», розовый севрский фарфор, бокалы в форме соблазнительной женской груди, сумочка-ридикюль, которую тоже изобрела она. Разве всего этого не достаточно, чтобы войти в историю? Но она хотела не просто войти. Она хотела остаться в памяти навсегда. И ей это удалось. Так же, как удалось завладеть сердцем и мыслями французского монарха.

Оливия Клеймор

(Крючкова Ольга)

Французская Мессалина

Глава 1

Селение Вакулёр, в бальянже[1 - Бальянж – административное деление во Франции.] Бассиньи, что рядом с монастырём Святого Августина, было достаточно большим. Граф Абиляр Дюмусо, чей полуразрушенный замок располагался в пол-лье от Вакулёра, нечасто навещал своё родовое имение.

Его финансовые дела пошатнулись почти двадцать лет назад, когда выдались три неурожайных года подряд. Вино, которое производилось на небольшой винокурне, прилегающей к замку, и так было весьма посредственно. Разумеется, его не потребляли в Париже, а лишь – в провинциальной Шампани. Граф еле-еле сводил концы с концами, а уж после неурожаяев дела вовсе стали плохи: родовой замок, требующий ремонта, разрушался, денег же едва хватало на Компьенский дом.

По приезде в Вакулёр, месье Дюмусо с ужасом обнаружил, что горничная, прачка, садовник и другая прислуга разбежалась, так как не получали жалованья почти четыре месяца. Осталась лишь Анна Бекю, кухарка, и то потому, что была на сносях, не замужем, да и идти ей было некуда.

Когда месье Дюмусо поинтересовался на счёт отцовства, то женщина назвала монаха-августинца по имени Анж, в миру – Жана Жака Гомара. Граф посетовал: до чего же монахи стали распутны! И не стал укорять женщину за её слабость.

В Компьен месье Дюмусо вернуться не спешил, поэтому вскоре стал свидетелем появления на свет маленькой Мари-Жанны, записанной в баптистерии[2 - Баптистерий – купель для крещения под восьмиугольной крышей, окружённой галереей.] монастыря по фамилии матери – Бекю и отца – Гомар.

Граф Дюмусо обедал, когда у Анны начались схватки. Женщина согнулась от боли, выронив из рук сковороду. Маседуан[3 - Маседуан – тушёные овощи с мясом.] растёкся по полу столовой. Граф не на шутку испугался: хоть он и имел детей, но никогда не принимал роды. Он уложил Анну в постель, сам же, сев верхом на лошадь, помчался в Вакулёр.

Анна пережила самые тяжёлые моменты своей жизни: ей казалось, что ребёнок вот-вот появится на свет, не дождавшись повитухи. Примерно через час Анна, пронзаемая нестерпимой болью, услышала скрип подъезжающей телеги – несомненно, это была повитуха.

Пожилая, полная женщина, облачённая в одежду из домотканого полотна, по-деловому подошла к Анне, осмотрела её и сказала:

– Всё хорошо, ребёнок лежит правильно. – И приказала своей помощнице: – Грей воду и готовь пелёнки.

С водой проблем не возникло, но вот пелёнки... Граф понятия не имел, где их взять, а Анна, постоянно нуждавшаяся в деньгах, и вовсе о них не позаботилась. Тогда граф поднялся в спальню и открыл шкаф, где хранилось постельное бельё. Он достал две простыни, которым предстояло стать пелёнками для новорожденного младенца.

Ребёнок никак не желал появляться на свет, вконец измучив свою мать – Анна покрылась испариной и впадала в забытие, когда схватки отступали. Повитуха уже начала опасаться, что младенец слишком крупный и роженица может промучиться ещё долго. Тогда она велела своей помощнице надавить Анне на живот со всей силы, как только начнутся схватки, дабы помочь упрямому младенцу появиться на свет.

Наконец между ног матери появилась головка ребёнка: повитуха успокоилась – теперь уж она справится, все опасности позади.

Анна издала страшный крик, не выдержав, граф Дюмусо выбежал из замка. Роженица тужилась, что есть силы.

– Давай, Анна! Ещё немного и твои муки закончатся, – подбадривала её повитуха.

Роженица сделала невероятные усилия, пытаясь выдавить из себя плод любви и ...

– Вот и всё, – произнесла уставшая повитуха.

Она пошлёпала окровавленного ребёнка по попке и спинке: тот издал свой первый крик.

– Кто? – еле слышно спросила Анна.

– Девочка...

* * *

Малышка получилась прехорошенькая. Её окрестили в баптистерии монастыря Святого Августина. Монах-августинец, крестивший девочку, и крёстный отец, граф Дюмусо, залюбовались ею.

– Из этой девочки непременно вырастет красавица, – заметил августинец, вынимая крошку из серебряной купели.

Анна Бекю перекрестилась:

– Дай Бог, чтобы вы были правы, святой отец.

Брат Анж не присутствовал на крещении своей дочери, сделав вид, что не имеет ни малейшего отношения к появлению на свет будущей парижской красавицы.

Граф Дюмусо, как и следует крёстному отцу, организовал в Вакулёре пышные крестины, угощая селян конфетами и засахаренным миндалём. После этого, поцеловав Мари-Жанну и простившись с её матерью, он отбыл в Компьен, где вскоре забыл о них.

* * *

Граф Дюмусо пил горячий шоколад, сидя в гостиной своего дома по улице Сен-Ор в Компьене. Вошла горничная.

– Ваше Сиятельство, у ворот стоит нищенка с девочкой и нагло утверждает, что вы её знаете. Прикажите прогнать?

Граф был в прекрасном расположении духа и посему решил быть снисходительным:

– Приведите их. Хотя нет, они перепачкают ковры в гостиной. Я спущусь сам во двор.

Месье Дюмусо, будучи в домашних туфлях и стёганом халате, спустился на первый этаж дома и выглянул во двор. Там стояла женщина, черты которой ему показались весьма знакомыми, она держала за руку маленькую девочку.

Лакей отворил дверь перед графом, тот вышел на воздух, направившись к непрошеным визитёрам. Как только граф приблизился, женщина упала ему в ноги и начала осыпать их поцелуями.

– Умоляю, граф! Вы – наш благодетель... Вспомните, пять лет назад вы стали крёстным моей малышки Мари-Жанны в Вакулёре.

У месье Дюмусо округлились глаза: несомненно, перед ним на коленях стояла Анна Бекю, рядом же с ней – его крестница. При ближайшем рассмотрении девочка показалась графу просто очаровательной: огромные серые глаза смотрели на него с детской доверчивостью, которую он, как порядочный человек, просто не мог обмануть.

– Анна, боже мой! Как вы оказались в Компьене?

Граф попытался поднять несчастную с колен.

– Ах, граф... Это такая долгая история. Словом, после вашего отъезда отец Мари-Жанны, Гомар, пристыженный братьями августинцами помогал нам, но недавно он ушёл в другой монастырь. Я просто в отчаянье, нам не на что жить. Денег едва хватило, чтобы добраться до города, и то благодаря братьям августинцам, которые помогли мне в трудную минуту, понимая, что Анж нас окончательно бросил.

– Да-а, – потянул граф, соображая, что же ему делать с непрошеными гостями.

Месье Дюмусо распорядился проводить женщину и крестницу в комнаты для прислуги, накормить и привести в надлежащий вид.

* * *

Через два дня Анна Бекю-Гомар прислуживала в харчевне «Весёлый гусь», что на улице Сен-Ор. Месье Дюмусо со своей стороны обещал женщине ежемесячное пособие в двенадцать франков. Это, несомненно, говорило о том, что он – добрейший человек. Свою же крестницу граф обучал грамоте, и в семь лет девочка уже умела писать, правда, с орфографическими ошибками, которые сохранились у неё на всю жизнь.

Затем, по настоянию крёстного, Мари-Жанну отправили в Сент-Орский женский монастырь, дабы она обрела хорошие манеры, чистые помыслы и обучилась рукоделию. Граф же обязывался платить монастырю за обучение девочки вплоть до её первого причастия.

Несмотря на свой зрелый возраст (графу недавно минуло пятьдесят лет), он завёл любовницу, известную в Компьене куртизанку Фредерику, которая была на двадцать пять лет моложе него. Месье Дюмусо тотчас же вспомнил про Анну Бекю-Гомар, устроив её в дом любовницы кухаркой, а заодно – шпионкой, ведь он сгорал от ревности. Анна стала докладывать графу о каждом шаге Фредерики, о чем та какое-то время и не подозревала.

Но время, и куртизанка Фредерика прозрела: несомненно, за ней шпионят в её же доме. Иначе, откуда граф Дюмусо узнавал то, что ему вовсе не следовало знать? Поразмыслив, куртизанка пришла к выводу: это протеже графа, кухарка Анна, больше некому. С тех пор как она появилась в доме, граф стал излишне осведомлённым, Фредерика и шагу не могла ступить без его ведома. Подобная ситуация угнетала тщеславную особу, хоть она и была содержанкой графа, но всё же считала, что благодетельствовала его своей молодостью и искусной любовью. Куртизанка решила: во что бы то ни стало избавиться от Анны Бекю-Гомар, осуществление задуманного стало лишь делом времени.

* * *

Некий лавочник, вдовец, имеющий галантерейную лавку, стал заходить к Анне. Она же, несмотря на свои двадцать семь лет, была достаточно привлекательна, и торговец не устоял перед её прелестями. Он также привязался к Мари-Жанне, которой к тому времени исполнилось девять лет. Всякий раз, когда она посещала мать, лавочник приносил девочке подарки. Мари-Жанна обожала любовника матери: то он дарил ей тесму на платье, то

заколки, то носовой платок. Мужчина же, вырастивший сыновей, всегда мечтал о дочери, которой, увы, Бог не дал. И он относился к дочери любовницы как к родной.

Однажды, на кухне, в очередной свой визит, галантерейщик решил преподнести очаровательной девочке гребень из панциря черепахи, что считалось достаточно дорогим подарком.

Мари-Жанна распустила волосы, и мужчина не устоял перед таким соблазном, дабы не собрать их и не закрепить гребнем. Что и говорить, волосы у маленькой прелестницы были необычайно хороши: густые, длинные – ниже плеч, необыкновенного золотистого цвета.

В этот момент на кухню вошла хозяйка, Фредерика, которая вообще не имела привычки там появляться. Безусловно, кто-то из завистливой прислуги доложил куртизанке.

– Ах, вот как вы проводите время в моём доме! Мало того, что этот престарелый торговец обхаживает мою кухарку, так он ещё подбирается и к её дочери! Это возмутительно! Мой дом – не бордель для малолетних шлюх!

У кухарки и галантерейщика округлились глаза от подобных незаслуженных оскорблений. Они попросту растерялись. На помощь пришла Мари-Жанна:

– Сударыня, мы не делали ничего дурного. Месье Шатене просто хотел скрепить гребнем мои волосы. Что в том дурного?

Девочка дерзко смотрела прямо на куртизанку, давая тем самым понять, что кому-кому, но не ей обвинять присутствующих в недостойном поведении.

Фредерика пришла в неопишемое бешенство:

– Ах, ты, маленькая дрянь! Думаешь, если ты свежа и хороша собой, то можешь компрометировать мой дом и мою репутацию?!

Фредерика достигла того возраста, когда куртизанка серьёзно беспокоиться о своей внешности и ненавидит молодых конкуренток. Несмотря на то, что Мари-

Жанна была ещё совсем юной, нельзя было не заметить, что девочка прелестна и из неё вырастет настоящая красавица. Да, впрочем, было в кого – мать, Анна Бекю-Гомар, ещё сохранила красоту, правда, за исключением рук, которые огрубели от работы. Поэтому куртизанка лелеяла надежду избавиться как от матери, так и от дочери, которая через два-три года может стать по-настоящему опасной.

Анна не выдержала, высказав всё, что думает о своей хозяйке:

– Моя дочь воспитывается в монастыре среди невинных девиц, я же зарабатываю на жизнь своим трудом, в отличие о вас...

Фредерика залилась краской, она не ожидала подобной дерзости от кухарки и её дочери.

– Я поставлю в известность графа Дюмусо! Пусть он решит, что с вами делать! – выкрикнула куртизанка в порыве ненависти и покинула кухню.

– Мне жаль, Анна, что всё так вышло, – сказал месье Шатене. – Думаю, вы более не можете оставаться в этом доме. Перебирайтесь ко мне, мне как раз нужна женщина для ведения хозяйства.

Анна тотчас поняла, что галантерейщик не женится на ней, а просто предлагает стать его сожительницей, в какой-то мере – содержанкой. Это несколько не оскорбило её женское самолюбие, она приняла его предложение и собрала свой нехитрый скарб.

Через час Анна обустроивалась в жилище месье Шатене, которое располагалось прямо над галантерейной лавкой. Мари-Жанна, как обычно, отправилась в монастырь.

* * *

Хитрая Фредерика так всё преподнесла графу Дюмусо, что тот был искреннее возмущён поведением вдовы и своей крестницы. А в особенности самолюбие графа было задето тем, что Анна ушла к галантерейщику, проявив полную неблагодарность: ведь никто иной, как он – граф Дюмусо, проявил к ней

внимание в трудную минуту и платил ей ежемесячное содержание!

После этого случая он перестал платить монастырю за обучение и воспитание крестницы. Фредерика ликовала, считая, что безродные выскочки из деревни получили по заслугам.

Но Анна Бекю-Гомар не расстроилась из-за потери доверия своего покровителя, расходы на обучение дочери взял на себя месье Шатене.

Но до графа Дюмусо докатывались слухи, что в Сент-Орском монастыре воспитывается некая Мари-Жанна Бекю-Гомар – юная особа с весьма дерзким и независимым характером, от неё доставалось даже монахиням, которых приводило в негодование невовдержанность воспитанницы в суждениях.

Глава 2

Маленькая Жанна-Антуанетта Пуассон переехала с матерью в предместье Парижа Сен-Антуан. После смерти господина Пуассона, промотавшего состояние, вдова была вынуждена продать свою недвижимость в престижном Сен-Луи. Она купила небольшой добротный дом в Сен-Антуан, что располагался близ поместья господина де Турнэм, известного торговца венецианским стеклом. Сие ремесло принесло ему немалые доходы: поместье было большим, спланированным по последней моде, с парком, дорожками, усыпанными гравием, множеством скамеек, беседок и фонтанов.

Жанна-Антуанетта проявляла повышенный интерес к богатому поместью, располагавшемуся по-соседству. Она частенько украдкой убегала от матери и, прогуливаясь вдоль кованой ограды роскошного парка, старалась разглядеть его. Девочка часто наблюдала, как садовник стриёт кусты, высаживает рассаду цветов, поливает их, приводит в порядок скамейки и беседки.

Почти всё лето и осень, вплоть до первых холодов, это развлечение было единственным для Жанны-Антуанетты. Она представляла, как гуляет по парку, срывает цветы с клумб...

Однажды во время одной из подобных прогулок, когда маленькая проказница, ничего не сказав матери, убежала из дома, к ней подошла женщина. По её пёстрому безвкусуному облачению девочка догадалась – перед ней цыганка. Она видела подобных женщин в Сен-Луи, им иногда подавали милостыню, но чаще прогоняли, позвав стражников.

Цыганка внимательно посмотрела на милую малышку.

– Как тебя зовут? – поинтересовалась она.

– Жанна-Антуанетта...

– Хочешь, я погадаю тебе по руке?

– Да, но у меня нет денег, чтобы вам заплатить.

Цыганка засмеялась.

– Смышлёная девочка. Сколько тебе лет?

– Шесть, – ответила Жанна-Антуанетта и протянула женщине руку.

Та присела на корточки, взяла маленькую руку девочки в свои огрубевшие ладони и начала внимательно её изучать.

Цыганка удивлённо посмотрела на очаровательное дитя.

– Что вы увидели? Расскажите мне, – настаивала та.

– Судьба твоя непроста... Ты станешь красивой и тебя полюбит сам король... Но ты должна остерегаться грозы...

Девочка выдернула руку.

– Что вы говорите! – возмутилась она. – Как меня может полюбить король, если мама продала наш дом в Сен-Луи, и мы переехали в такую даль? У нас нет денег

даже на то, чтобы справить новую одежду!

Жанна-Антуанетта была так эмоциональна, что мимо проезжавшая карета остановилась. Из неё вышел элегантный господин.

– Что здесь происходит? – поинтересовался он. – Вы обижаете малышку?

Цыганка попыталась объяснить, что гадала девочке по руке.

Жанна-Антуанетта продолжала негодовать:

– Сударь, она сказала, что меня полюбит сам король! А у нас с мамой нет денег, мы бедны. Деньги от проданного дома ушли на оплату долгов отца.

Господин удивился рассудительности девочки и, наградив цыганку мелкой монеткой, поинтересовался:

– Уж не ваша ли матушка купила дом, что напротив моего поместья?

– Да...

– Так, так. Значит, вы – та самая юная мадемуазель, которая любит мой парк?

Девочка смутилась.

– Откуда вы знаете?

– От садовника, разумеется.

* * *

Жанна-Антуанетта музицировала за клавесином. Её отчим, месье Ленорман де Турнэм, наслаждался игрой своей падчерицы. В последнее время он стал обращать внимание на то, что Жанна-Антуанетта в свои шестнадцать лет

приобрела прекрасные женские формы и была великолепно сложена. Помимо физической красоты, девушку отличал ум, начитанность и серьёзность суждений по любому вопросу.

Но месье де Турнэм не мог не заметить, что Жанна-Антуанетта не унаследовала красоту матери, лицом она была в отца, повесу и легкомысленного человека, который трагически погиб, промотав почти всё состояние.

Девушка перестала играть на клавесине, дабы перевернуть ноты. Её длинные нежные пальцы вновь пробежали по клавишам инструмента, гостиную заполнили звуки менуэта.

Несмотря на то, что падчерица не унаследовала прелестей своей матушки, она была мила и обаятельна, что привлекало к ней людей, в особенности молодых мужчин. Месье де Турнэм, знал, что у Жанны-Антуанетты появился таинственный воздыхатель. Он заваливал, в буквальном смысле, девушку своими письмами, содержащие пылкие признания. Поэтому отчим решил: надо выдавать её замуж и как можно скорее. Оставалось только решить: за кого?

Выбор месье де Турнэма остановился на племяннике, Франсуа д'Этиоле, – молодом человеке, недавно окончившем Сорбонну с дипломом юриста.

Покойный отец Франсуа имел в Париже обширную практику и считался истинным мэтром своего дела. Поэтому выбор сына пал именно на юриспруденцию.

Унаследовав адвокатско-юридическую контору отца у ворот Сен-Дени, а также добротный дом на Королевской дороге, идущей от Сен-Дени к острову Сите, – по меркам парижского буржуа молодой адвокат слыл весьма состоятельным человеком.

В один из погожих августовских дней, когда дневная жара уже спала, а вечер обдавал приятной прохладой, супруги де Турнэм и Жанна-Антуанетта отправились из предместья Парижа, Сен-Антуан, в гости к Франсуа.

Юная особа сразу же поняла цель их визита, правда она не горела желанием выйти замуж и покинуть дом своего отчима – он относился к ней с истиной отцовской любовью. По крайней мере, Франсуа был состоятелен, и его покойный

отец оставил начинающему адвокату безупречную репутацию.

Жанна-Антуанетта проснулась в то утро без малейшего волнения. Она была уверена, что сумет найти общий язык с образованным женихом, ведь недаром он окончил Сорбонну. Она, как девушка с домашним образованием, весьма ценила это обстоятельство, но в то же время, была уверена в себе, считая, что ни чуть не уступит в умении вести беседу и высказывать мнение на ту или иную тему.

Девушка умылась и решила выбрать наряд, в котором она предстанет перед взором жениха. Её отчим был щедр, ни в чём не отказывая своей падчерице, порой даже излишне её балуя.

Жанна-Антуанетта отворила гардеробную комнату, где аккуратно на вешалках хранились её платья. Она бегло окинула взором свой гардероб, выбрав новое платье из голубой нежной тафты с глубоким вырезом, отделанным кружевами с серебряной нитью.

После завтрака она позвала горничную и та помогла ей одеться. Когда Жанна-Антуанетта вышла из своей комнаты, дабы мать и отчим оценили её внешний вид, месье де Турнэм не сдержался:

– О! Дорогая дочь – вы прекрасны!

Действительно, голубая тафта оттеняла глаза девушки, и они казались ещё более голубыми, словно небо в солнечный день. Корсет же платья был искусно изготовлен и выгодно подчёркивал талию юной прелестницы.

Семейство де Турнэм разместилось в карете и направилось в Сен-Дени.

* * *

Дорога была неблизкой, и Жанна-Антуанетта с удовольствием предавалась созерцанию проплывающих мимо пейзажей и зданий. Наконец, когда карета повернула на Королевскую дорогу и последовала мимо монастыря Сен-Дени, проехали триумфальные ворота, построенный в честь победы Людовика XIV на Рейне, а затем и арку Сен-Мартен, Жанна-Антуанетта ощутила некоторую дрожь, решив, что, пожалуй, следовало бы захватить тёплую накидку.

Показался дом Франсуа д'Этиоля, защищенный от оживлённого тракта высокими каменными стенами. Лакей, ожидавший прибытия гостей, отворил кованые ворота, карета проследовала во внутренний двор.

Жанна-Антуанетта заметила молодого человека в тёмно-синем камзоле, стоящего перед входом в дом. При появлении кареты, он тот час последовал навстречу прибывшим гостям. Лакей, отворил дверцу кареты и помог гостям выйти. Франсуа подошёл к мадам де Турнэм и поцеловал ей руку.

– О! Франсуа, как вы возмужали, – заметила она.

Месье де Турнэм взял под руку свою падчерицу и подвёл к племяннику.

– Франсуа, позвольте представить вам мою дочь Жанну-Антуанетту. Если припомнить, вы виделись в последний раз почти семь лет назад, когда был ещё жив мой дорогой брат.

Девушка мило улыбнулась, отчего на её прелестных свежих щёчках появились ямочки. Франсуа был очарован своей предполагаемой невестой и оказывал ей всяческие знаки внимания на протяжении всего пребывания в его доме.

Жанна-Антуанетта непринужденно рассуждала о музыке, современной французской, английской, итальянской литературе, поэзии. Наконец, вечером Франсуа предложил девушке прогуляться по саду. Она взглянула на отчима и мать, те лишь кивнули в знак согласия.

Вечерело, августовский вечер был тёплым, но предупредительный Франсуа захватил шаль своей покойной матери и накинул на плечи госты. Та оценила сей знак внимания.

– Сад когда-то был большим, – Жанна-Антуанетта уловила запах трав, – но после смерти мадам д'Этиоль никто им не занимался и он постепенно начал терять былую прелесть.

– Отчего вы не наймёте садовника? – поинтересовалась девушка.

– После смерти отца садовник перешёл в другой дом. Я, как вы знаете, недавно – из Сорбонны, ещё не успел навести порядок в доме и в саду. Для этого мне нужна хозяйка.

Молодой человек внимательно посмотрел на девушку. Та, прекрасно поняв, к чему он клонит, улыбнулась.

– Почему вы молчите? – спросил Франсуа.

– А что я должна сказать?

– Вы...вы же знаете о цели нашей встречи... Зачем притворяться?

Девушка оценила прямолинейность Франсуа.

– Конечно, знаю... Мне понравился ваш дом и сад тоже...

– А я?

Жанна-Антуанетта смутилась и лишь плотнее закуталась в шаль.

– Вам холодно? – поинтересовался Франсуа.

– Да немного...

– Так вы не ответили на мой вопрос...

Девушка остановилась и, прямо посмотрев на собеседника, ответила:

– И вы...

Неопределённость ответа лишь подстегнула Франсуа.

– Значит, вы согласны выйти за меня замуж?

Жанна-Антуанетта не ожидала такого вопроса.

– Вам следует просить моей руки у месье де Турнэм...

– Но меня интересуют ваши чувства, – настаивал Франсуа.

– Мои... Но мы слишком мало знакомы, если не считать нашего общения в детстве.

Франсуа не выдержал, он вплотную подошёл к девушке, обнял её и поцеловал прямо в пухлые губы.

Он попросил руки Жанны-Антуанетты у господина де Турнэма в тот же вечер. Тот дал согласие, но с одним условием – подождать до осени, дабы Жанна-Антуанетта привыкла к этой мысли.

На следующий день, когда семейство де Турнэм прибыло в Сен-Антуан, Анри решил поговорить с падчерицей, а если понадобится найти нужные слова и доводы, чтобы склонить к замужеству.

Та же прореагировала на редкость спокойно:

– Дорогой отец, месье Франсуа – воспитанный умный молодой человек, а в перспективе – блестящий адвокат и юрист. Он не красавец, конечно, но весьма не дурён собой и вовсе мне не противен. Если таково ваше желание, я лишь подчиняюсь ему.

Месье де Турнэм был настолько растроган словами падчерицы, что не удержался, привлёк её к себе и по-отечески поцеловал в лоб.

– Я искренне рад, что всё устроилось. Свадьба состоится в конце сентября. А теперь я сообщу вашей матушке сию приятную новость.

* * *

К концу сентября Франсуа д'Этиоль провёл несколько удачных сделок с недвижимостью клиентов, а также помог почтенному семейству Лебре, состоятельным представителям торговой гильдии, избавиться от нападок нечистоплотных конкурентов – неких Рамбаль.

Дела «Адвокатской и юридической конторы д'Этиоль» шли в гору, и Сен-Дени заговорило о молодом Франсуа как о достойном приемнике своего отца и человека, заслуживающем всяческого доверия и похвалы. Будущее Жанны-Антуанетты было обеспечено.

Глава 3

Мари-Жанна, как и положено истиной католичке, приняла первое причастие в тринадцать лет, после чего не покидала монастырь ещё два года. В пятнадцать она выглядела старше своих лет, её полная упругая грудь, приподнятая корсажем, приводила проходивших мимо неё мужчин в трепет.

Анна была рада, что монастырские годы обучения дочери, наконец, закончились. Она искренне желала Мари-Жанне добра и по совету своего любовника месье Шатене направила дочь в модный дом господина Лабия.

Месье Шатене, давно знавший Лябия, написал ему короткое письмо, в котором просил принять под свою опеку девушку, только что покинувшую стены Сент-Орского монастыря, где постигла все премудрости рукоделия.

Мари-Жанна, почувствовав себя, наконец, взрослой и вполне самостоятельной, надела ярко-зелёное муслиновое платье, сверху меховую накидку, так как стояла поздняя осень, и направилась в модный дом на улицу Гоше.

Увы, но монастырское воспитание принесло свои плоды: девушка на протяжении всего пути краснела под плотоядными взорами молодых людей. Один из них настолько расхрабрился перед друзьями, что предложил:

– Красотка! Выходи за меня замуж прямо сегодня. Я – сын успешного сапожника, сошью такие туфельки на твои стройные ножки, что все подружки зайдутся от

зависти!

Компания молодых мужчин дружно засмеялась.

Мари-Жанна, понимая, что приличной девушке претит реагировать на подобные выходки, всё же была удовлетворена: она – красива и желанна, сомнений нет, но вовсе не желает стать женой сапожника, пусть и успешного. Девушка повела плечами, фыркнула и проследовала по направлению к улице Гоше.

Достигнув, наконец, цели, обрела необычайную уверенность в себе и своих прелестях:

«Раз так, значит, я получу то, чего желаю: богатого мужа и множество изысканных нарядов. И никогда больше не буду ходить с исколотыми пальцами от постоянного шитья!»

* * *

Мари-Жанна вошла в модный дом Лябиля. Её обдало теплом натопленного помещения, в носу приятно защекотало от запаха мануфактуры: она лежала в изобилии на прилавках, около которых хлопотали молодые девушки.

Претендентка увидела полную даму, совершенно бесформенную, около неё из кожи вон лезла молоденькая модистка.

– Ах, мадам, вам этот цвет – к лицу, – говорила она, указывая на вишнёвый муар. – Если подобрать соответствующую золотую тесьму и пустить её по линии груди и талии будет мило...

Полная дама терпеливо выслушала щебет модистки и, наконец, сказала:

– Нет, вишнёвый меня полнит. Давайте посмотрим терракотовый.

Модистка округлила глаза: как вишнёвый цвет может полнить, если он темнее терракотового? Но желание клиента – закон.

Пока модистка, привлёкшая внимание Мари-Жанны, распинаясь перед толстухой, девушка поднялась на второй этаж.

Поднимаясь по лестнице, Мари-Жанна почувствовала знакомый запах, который постоянно присутствовал в галантерейной лавке месье Шатене, любовника её матери. Когда она вошла в просторный торговый зал второго этажа, то поняла – это гимн французской галантерее! Чего только здесь только не было: и кружева разной ширины, с серебряной, золотой нитью и без них; тончайшее шитьё для нижнего белья, как французское, так и голландское. Уж в таких вещах девушка разбиралась, проведя столько лет за рукоделием в Сент-Орском монастыре, – и опять же – тесьма, поражающая воображение своими формами, цветом и разнообразием.

Мари-Жанна потерялась в обилии стендов и витрин, увешанных галантерейными прелестями. Она машинально продвигалась через этот мир дамского счастья, не заметив мужчину, который сосредоточенно её разглядывал.

– Мадемуазель! – наконец, он окликнул зачарованную посетительницу. – Могу ли я вам помочь?

– О, да! Мне нужен месье Лябиль, хозяин магазина.

Мужчина не торопился признаваться. Он, улыбаясь, любовался юной особой: она напоминала портреты Веронезе, на которых тот изображал красавиц с золотистыми волосами, бросавшими отблеск на кожу, чуть тронутую розовой краской.

– Я – господин Лябиль, мадемуазель. Что изволите? – наконец представился он.

Мари-Жанна улыбнулась, мужчина вновь отметил: как мила это юная особа!

– Месье Шатене, хороший знакомый моей матушки, писал вам обо мне. Я – Мари-Жанна Бекю-Гомар, – девушка присела в лёгком реверансе.

– Да, да. Конечно, я помню... Вы уже прошлись по модному дому и ознакомились с обстановкой? – поинтересовался хозяин.

– Да, месье, я – в восторге!

– Я рад, мадемуазель. Как я понял: вы постигли ремесло рукоделия в монастыре?

– Да, месье...

– Хорошо, я делаю вывод, что – вы прекрасно воспитаны и являетесь образцом скромности и терпения. Видите ли, наши клиентки – разные, их вкусы и фигуры порой неординарны.

– Я понимаю месье Лябиль, о чём вы говорите.

– Прекрасно. Мне нужна девушка, которая бы со слов клиентки делала цветные эскизы того туалета, который та желает заказать. Предупреждаю, зарисовывать слова – весьма трудная задача. Ваша предшественница выдержала всего три месяца и попросилась в швей.

Мари-Жанна была очень рада, что ей не придётся снова колоть пальцы иглой, и тут же согласилась. Месье Лябиль приказал одной из своих модисток проводить девушку в мансарду, где располагались крошечные комнатки, вмещавшие постель, комод и один стул. Мари-Жанна осталась довольной своим новым жилищем – главное она начинала самостоятельную жизнь. Теперь она будет уповать на удачу, и та непременно придёт.

* * *

Модный магазин был бесконечно привлекателен для девушки, впервые вступившей в самостоятельную жизнь из монастыря, и по сути – ничего не знавшей о жизни. Мари-Жанна попала в храм кокетства. Перед её глазами постоянно блестела вереница дорогих и изысканных тканей, различных безделушек и дорогих женских украшений, предназначенных для нарядов клиенток.

Как может юная девушка устоять перед этим изобилием и не возжелать одеваться также, дорого и с изыском, как дамы, посещавшие модный магазин? Вид всех этих вещей порождал в сердцах молодых модисток легкомыслие, любовь к роскоши, стремление к нему, а порой толкал на скользкий путь

разврата.

* * *

Мари-Жанна постоянно изощрялась в том, как своим художественным искусством придать кокетке ещё больше кокетства и пикантности, любвеобильной даме – страстности, сладострастной особе – томности, куртизанке же – обворожительной порочности.

Красивой женщине или девушке юная художница в своих эскизах придавала ещё больше грации, полной же – подобие талии, или что-то вроде фигуры.

Своими стараниями и вкусом новенькая модистка-художница вскоре полюбилась заказчицам, особенно пожилым дамам, с подобием фигуры, и обрела определённую популярность.

Дамы, постоянно посещавшие модный дом Лябиля, и те, что стали заказывать в нём наряды сравнительно недавно, – все как одна требовали, чтобы эскизы непременно делала Мари-Жанна.

* * *

Мари-Жанна быстро освоилась на новом месте, а так как у неё была прекрасная зрительная память – запомнила всех постоянных клиенток Лябиля. Модистка-художница научилась точно определять кто перед ней: вот молоденькая хорошенькая девушка, наверняка, только что покинувшая стены монастыря, тяготеющая к ярким цветам, – это понятно, Мари-Жанна сама носила много лет коричневое платье с белым воротничком, пока пребывала в стенах Сент-Орского монастыря. Модистка, занимавшаяся сей юной особой, пыталась приобщить её к искусству нравиться, объясняя, что яркие цвета – не всегда хорошо и прилично. Та поначалу не слушала профессиональных советов, но потом постепенно начинала сдаваться. На эскизе Мари-Жанны появлялось приличное платье, которое отличал вкус и умеренная роскошь.

Однажды Мари-Жанна рисовала наряд некой молодой особы из знатного рода, новобрачной, которую должны были представить ко двору. Та же хотела

покорить монарха не только своими прелестями, но и изысканным нарядом. Мари-Жанна внимательно слушала щебетанье знатной дамы, которая, не закрывая рта, рассказывала о Версале, любовнице короля, женщине необычайной красоты и ума, её нарядах, стоимостью по десять тысяч ливров...

От этой суммы у модистки-художницы округлились глаза, она подумала: «Король необычайно богат... Безусловно, он любит фаворитку, раз тратит такие баснословные суммы на её туалеты».

Новобрачная продолжала свою болтовню, когда неожиданно для себя, Мари-Жанна перестала подправлять эскиз и спросила:

– Король красив?

Дама оборвала свой утомительный рассказ на полуслове и вопросительно посмотрела на юную художницу.

– Милочка, любой король красив хотя бы потому, что он – король. Это закон жизни. Я ни разу не видела Людовика Великолепного, но, судя, по портрету, который висит в кабинете моего отца – монарх очень привлекателен. Как я говорила, придворные дамы из кожи вон лезут, чтобы он обратил на них хотя бы немного внимания. Но для него существует только маркиза де Лассеран, поэтому её так ненавидят в Версале[4 - Людовик Великолепный предпочитал Версаль парижскому Лувру.]. Вообще, эта особа имеет сомнительно происхождение. А маркизой стала после того, как Людовик поселил её в покоях предыдущей любовницы.

– А что стало с той дамой? – поинтересовалась Мари-Жанна.

– С какой? – не поняла новобрачная.

– С предыдущей любовницей короля...

Новобрачная пожала плечами.

– Понятия не имею. А! Кажется, она разочаровала монарха, и её место заняла маркиза!

Юная Мари-Жанна подумала: «Значит любовница была глупа... Разве можно разочаровывать короля? Уж я бы никогда этого не сделала...»

Вечером того же дня Мари-Жанна направилась в ближайшую книжную лавку и купила небольшой портрет Людовика XV Великолепного, в недорогой резной рамке. Девушка поставила его на комод, развернув так, чтобы видеть изображение монарха с кровати. На неё смотрел зрелый мужчина в напудренном парике, облачённый в парадные рыцарские латы, с его правого плеча ниспадала горностаевая мантия. Его лицо, красивое именно мужской красотой, породило в душе юной гризетке бурю чувств. Засыпая, девушка предавалась грёзам...

* * *

На следующий день Мари-Жанну ожидало то же, что и последние три месяца – вереница капризных красавиц: актрис, певиц, танцовщиц; ещё недавних модисток, удачно вышедших замуж, имеющих теперь дорогие выезды и украшающих себя произведениями моды.

Девушка невольно начинала ощущать зависть по отношению ко всем этим женщинам, успешно устроившимся. Некоторые из них даже не скрывали пикантных подробностей своей жизни, особенно служительницы Мельпомены. Из их рассказов юная художница поняла – главное найти достойного состоятельного мужчину, который бы тебя содержал, остальное приложиться само собой...

В разгар всеобщего обсуждения жизненных успехов присутствующих клиенток, появился молодой щёголь, постоянно покупающий своей любовнице подарки. На это раз он выбрал шляпку и перчатки в тон, и попросил упаковать их изысканным образом.

Модистки разрывались между клиентками и оттого попросили Мари-Жанну услужить молодому ловеласу. Девушка положила блокнот на один из прилавков, убрала пастель в специальный кармашек, пришитый к платью, и направилась к покупателю.

– Что изволите, месье? – поинтересовалась она.

– О, сударыня, – вы новенькая! Я наблюдаю за вами последние месяцы. На мой взгляд – вы хорошо справляетесь со своими обязанностями, – сказал щёголь не без удовольствия.

– Благодарю вас, месье... Вы выбрали товар?

– Да, шляпка из изумрудной английской шерсти, отделанная беличьим мехом и перчатки в тон отделки.

Мари-Жанна открыла шляпную витрину и сняла с головы манекена выбранное изделие, затем она дополнила его перчатками. Девушка достала коробку, аккуратно, дабы не помять ленты, уложила произведение шляпного мастерства, – она сама давно заглядывалась на эту шляпку, но, увы, – не по карману. Перчатки же она поместила в специальный тканевый мешочек, и также разместила рядом со шляпой, дабы не задевать меха и дорогой отделки, закрыла крышкой и перевязала коробку широкой алой лентой, завязав кокетливый бант.

– Благодарю вас, сударыня.

Господин замялся, явно собираясь сказать что-то ещё. Мари-Жанна улыбнулась:

– Месье, с вас пятьдесят ливров.

Мужчина расплатился и напоследок сказал:

– Простите меня за прямоту, сударыня: а есть ли у вас любовник?

Мари-Жанна стушеввалась, кровь прилила к её нежным щекам, из чего щёголь сделал вывод: прелестная юная особа – девственница.

Жанна-Антуанетта была замужем за Франсуа д`Этиолем вот уже семь лет, но она так и не стала матерью. Откровенно говоря, данное обстоятельство ничуть не смущало мадам д`Этиоль, как впрочем, и её супруга, считавшего, что всё ещё впереди, ведь Жанне-Антуанетте минул всего лишь двадцать третий год.

За эти семь лет господин д`Этиоль изрядно увеличил состояние, оставленное ему отцом. Франсуа ни в чём не отказывал своей любимой жене, он по-прежнему восхищался её свежестью, красотой и умом, не забывая при этом дарить ей драгоценности и оплачивать счета модисток.

Мадам д`Этиоль считалась среди адвокатских жён, с которыми ей приходилось общаться, женщиной не красивой, но обаятельной, а порой и высокомерной. Её высокомерие происходило скорее не по природе своей, а по обстоятельствам, – адвокатши были бестолковы, безвкусны и порой полуграмотны, что раздражало Жанну-Антуанетту, и она старалась избегать их общества. К сожалению, это не всегда получалось, ведь четыре из них были жёнами адвокатов, служивших в конторе мужа, и тот настаивал на общении супруги с ними.

Мадам д`Этиоль раз в месяц устраивала музыкальные вечера, исполняя на клавесине чаще других композиторов Куперена, гости же её маленького музыкального салона играли дурно или, скажем, отвратительно.

Жанна-Антуанетта, скрепя сердце, слушала эти ужасные исполнения, но, в конце концов, она перестала приглашать адвокатш, чем вызвала недовольство мужа. Но она умела так уладить все супружеские разногласия, что вскоре Франсуа был убеждён – именно он позволил любимой супруге отменить ежемесячные музыкальные вечера.

Жанна-Антуанетта много читала, но чтение и бесконечные прогулки по саду не могли удовлетворить потребности её романтической натуры, и она попросила у супруга приобрести для неё лошадь, – отчим научил её прекрасно держаться в седле и они часто совершали совместные прогулки по окрестностям Сен-Антуан.

Месье Франсуа не мог отказать, и заказал одному из клиентов, занимавшийся разведением породистых лошадей в предместьях Парижа, подобрать для прогулок жены кобылу со спокойным нравом. Заводчик приказал объездить одну из молодых кобылок рыжеватой масти и отправил её с конюхом в Сен-Дени.

Увидев лошадь, мадам д'Этиоль пришла в неописуемый восторг. Её рыжая масть, густая коричневатая шелковистая грива, миндалевидные тёмные глаза – всё вызывало умиление женщины. Из-за своих чудесных глаз лошадь получила имя Каринэ.

Жанна-Антуанетта заказала у модистки тёмно-зелёную амазонку с широкой свободной юбкой по последней моде, и дополнила свой наряд небольшой шляпкой, перехваченной белоснежным тончайшим шёлковым шарфом, так что он развивался при скачке.

В один из тёплых сентябрьских дней она оседлала Каринэ и направилась к небольшому лесу, окружавшему монастырь. Мадам отказалась от провожатых, считая, что ей ничего не угрожает – она прекрасно держится в седле, да и бандиты появлялись в Сен-Дени последний раз во время Жакерии[5 - Восстание крестьян в 1358 г..].

* * *

Жанна-Антуанетта с удовольствием вдохнула лесной воздух и направилась вдоль молодого подлеска. Лес Сен-Дени был сравнительно небольшим, еще триста лет назад его почти весь вырубил монахи, освобождая земли под пахотные угодья. Миновав его, женщина оказалась на дороге, идущей между полей. Стояла ранняя осень, колосились монастырские хлеба, ветер качал золотое море колосков, наездница невольно залюбовалась пейзажем. Она пустила Каринэ неторопливой рысью, собираясь достичь окраины монастырских угодий и повернуть назад.

Каринэ неторопливо несла свою хозяйку, позволяя ей насладиться сентябрьским погожим днём. Так, созерцая окрестности, Жанна-Антуанетта заметила приближающегося всадника. Она невольно отметила, что незнакомец – отличный наездник.

Когда же их лошади поравнялись, мужчина церемонно снял охотничью шляпу, украшенную перьями, и слегка поклонился. Жанна-Антуанетта удивилась: она не была знакома с этим человеком. Но, не желая показаться невежливой, кивнула в ответ и продолжила свой путь.

Мужчина же натянул поводья и остановил свою лошадь, долго провожая взглядом прекрасную Амазонку. Затем пришпорил лошадь и ускакал прочь.

* * *

Жанна-Антуанетта была довольна совершённой прогулкой и взяла за правило выезжать на Каринэ всякий раз, когда позволяла погода. Она скакала на лошади по прежнему маршруту: до леса Сен-Дени и далее среди монастырских полей.

Когда мадам в очередной раз выехала из своего поместья, стояла переменчивая погода, солнце то показывалось из-за облаков, то пропадало, но было достаточно тепло и женщина ничего не надела поверх амазонки.

Когда же она ехала среди полей, на которых уже вовсю убирали урожай и вязали снопы, небо заволочло тучами, пахло дождём, но он не начинался. Мадам д'Этиоль не торопилась возвращаться, решив: если пойдёт дождь, она переждёт его в лесу. Она доехала до границы монастырских полей, далее начинались земли графа де Лавалья.

Неожиданно ливанул дождь, сильный, словно из ведра. Жанна-Антуанетта повернула Каринэ, хлестнула её плёткой и помчалась к лесу, понимая, что промокнет до нитки, ведь укрыться было негде. Добравшись до леса, она спешила и встала под развесистыми деревьями. Так женщина простояла какое-то время, понимая, что жакет мокрый насквозь, и она начинает замерзать.

Дождь не кончался, а лишь усиливался, слышались раскаты грома. Жанна-Антуанетта пребывала в смятении: что же делать – остаться или же попытаться добраться до поместья?

При каждом ударе грома и блеске молнии, своими всполохами Каринэ начинала нервничать. Жанна-Антуанетта обняла её за морду, пытаясь успокоить. Но безуспешно, при очередном ударе грома, лошадь встала на дыбы, женщина не удержала равновесия на скользкой мокрой траве и упала.

* * *

Граф де Лаваль возвращался из Парижа верхом, когда его застал проливной дождь почти у стен монастыря Сен-Дени. Он въехал во внутренний двор и попросил у монахов позволения укрыться. Один из монахов узнал графа, так как его владения начинаются сразу же монастырскими, – братья тотчас помогли Лавалю снять плащ и разместиться около огня, предложив гостю вина, дабы согреться.

– Да, не повезло тем беднякам, кто сейчас мокнет под дождём, – высказался один из монахов. – Помнится, вот так три года назад отец Игнатий возвращался верхом на осле из Сен-Клу, да попал под ливень. Через три дня не стало бедняги – умер от болезни лёгких.

Граф де Лаваль постепенно согревался – вино делало своё дело.

Ливень хлестал почти до повечерия[6 - Вечерняя молитва монахов, обычно перед заходом солнца.], и графу пришлось разделить с братьями скромную монастырскую трапезу. Когда небо немного прояснилось, он продолжил свой путь в замок Сент-Оноре.

Как обычно, Лаваль проезжал мимо леса Сен-Дени, вдруг он услышал ржание лошади, по подлеску, среди молодых деревьев металась кобыла рыжей масти. У графа не возникло сомнений: лошадь Амазонки, мадам д`Этиоль... Значит, она – где-то поблизости.

Кристиан спешил и направился к лесу, с намерением встретиться с дамой, из-за которой он потерял покой и сон. Но, увы, её нигде не было.

– Не может быть, чтобы лошадь попросту сбежала – на ней дамское седло и полная сбруя... Наверняка что-то случилось: возможно начался дождь и женщина упала... О, Боже! – Лаваль испугался своих предположений и углубился в лес. – Мадам д`Этиоль! Мадам д`Этиоль! – звал он в надежде, что его услышат.

Но, увы, лес отвечал только шелестом влажных листьев. Хотя лес был сравнительно небольшим, уже начало смеркаться, что затруднило поиски. Наконец Кристиан увидел мадам д`Этиоль, лежащую на траве. Он тотчас бросился к ней, женщина была без чувств. Граф взял её на руки, чувствуя, как намокла её одежда, неожиданно ему пришли на память слова монаха о

несчастном Игнatii, смертельно простудившимся под дождём.

Граф завернул женщину в плащ, вынес из леса и перекинул её через загривок своего жеребца. Затем он поймал Каринэ за уздечку и привязал к своему седлу.

Устроившись в седле, Лаваль бережно перевернул даму из столь недвусмысленной позы и, обняв, прижал к груди, пытаясь хоть как-то её согреть. Отъезжая по направлению к Сент-Оноре, он услышал голоса: звали мадам д`Этиоль – наверняка прислуга или супруг отправились её искать. Но Лаваль пришпорил коня, не желая отдавать свою ценную находку, и поскакал в замок. Каринэ послушно бежала рядом с жеребцом графа.

* * *

Прислуга графа переполошилась, увидев в его руках женщину. Зная крутой, неуравновешенный, необузданный нрав хозяина, можно было подумать что угодно, вплоть до того, что он похитил несчастную.

Кристиан, предвосхитив все вопросы, приказал:

– Лекаря ко мне! Срочно! Надин, – обратился он к горничной, – приготовь бельё покойной графини, горячую ванную и комнату для гостей.

Горничная тотчас помчалась исполнять повеление графа, не задавая лишних вопросов. Комната для гостей была готова спустя пять минут после приезда графа, Надин спустилась в кухню, велел кухарке нагреть воды и как можно больше. Затем она взяла сорочку и зимний, домашний халат графини. Быстро сбегала в комнату для прислуги и достала из сундука свои вязаные чулки из овечьей шерсти, которые всегда надевала в прохладные дни.

Когда Надин вошла в комнату для гостей – женщина лежала на кровати поверх покрывала, около неё хлопотал лекарь.

– Она ударилась головой, но я не вижу крови... Думаю, у женщины сильное переохлаждение, видимо она попала под сегодняшний ужасный ливень. Горячая ванна не поможет, её надо как следует растереть согревающей мазью и одеть как можно теплее.

Лекарь перевёл взгляд на горничную. – А, Надин... Очень кстати. Даму надо раздеть, и помоги мне её растереть.

Кристиан из чувства такта покинул комнату, выйдя в коридор. Его захлестнул целый поток противоречивых чувств. В начале ему хотелось утаить мадам д'Этиоль в замке Сент-Оноре, ничего не сообщая в Сен-Дени её домочадцам. Через мгновение граф понял опасность этой затеи: мадам д'Этиоль – не крестьянка, а жена уважаемого человека, юриста, который может обвинить кого угодно и в чём угодно. И такая ситуация может быть истолкована господином д'Этиолем, как похищение или хуже того – как насилие. В этом случае грозят серьёзные неприятности, даже король, узнав о таких вольностях, будет весьма разгневан и не заступится, несмотря на родственные связи.

Кристиан отбросил мысль об утаивании, и решил срочно отписать письмо в Сен-Дени, отправив его с нарочным. Пока он шёл в кабинет, появилась ещё одна мысль: «Когда она очнётся, признаюсь в своих чувствах. Я знаю, что она замужем, мне всё равно, лишь бы она была со мной... Мы сможем беспрепятственно видаться на конных прогулках, затем... В конце-концов, Сен-Дени и Сент-Оноре – не на разных концах Франции!»

* * *

Кристиан провёл беспокойную ночь. Он постоянно ворочался, лёжа в полудрёме или скорее – в забытии. Перед глазами стояла мадам де Лаваль, именно такая, какой он увидел её впервые среди фонтанов Версаля в свите королевы. Анриетта была прекрасна, она выделялась из фрейлин королевы грацией, красотой, умением держаться и одеваться. Многие мужчины двора Его Величества желали её.

Кристиан, как импульсивная, неудержимая натура, поклялся: Анриетта будет принадлежать ему. Но молодая фрейлина благоволила совершенно к другому человеку – маркизу де Торси, известному при дворе своим искусством волокитства и умением соблазнить женщину.

Нежная Анриетта не была исключением иполнила список побед де Торси. И через месяц почувствовала, что беременна. Кристиан же, ничего не подозревая о вышеуказанных обстоятельствах, по-прежнему томился от чувств и, наконец,

решился поговорить с Анриеттой, оправив ей записку полную любви и желания.

Разговор состоялся в Версале, в покоях фрейлины. Она немного пожеманилась для приличия и согласилась стать женой графа. Но тут же пожелала подтверждения их любви. Лаваль не устоял под чарами прелестницы и страстно овладел ею прямо на кушетке, обитой шёлком, где затем обнаружил подтверждение порядочности своей возлюбленной, приготовленное Анриеттой заблаговременно и застеленное шёлковым покрывалом.

Семейное счастье четы де Лаваль продлилось не долго. После рождения дочери, Анриетта вновь вернулась к Малому двору королевы, повинувшись её упорным настояниям, Кристиан же пополнил свиту короля. Супругам были выделены специальные покои в Версале, где они могли беспрепятственно видаться.

Спустя какое-то время некая графиня Божанси увлеклась молодым Лавалем и буквально заваливала его любовными письмами, тот, не желая изменять жене, отправлял ей тактичные отказы. Мадам Божанси, разгневанная подобным пренебрежением к своей особе, в пылу гнева сообщила Кристиану о былой связи его жены с маркизом де Торси.

Граф де Лаваль предался простейшим подсчётам, в результате которых получилось, что его дочь родилась восьмимесячной, что в принципе возможно и не говорит о потерянной репутации жены.

Но спустя некоторое время, Анриетта, томимая придворной скукой, вновь сошлась с де Торси: Кристиан прозрел и возненавидел их обоих.

Разрешением конфликта стала дуэль между де Лавалем и де Торси из-за какой-то безделицы. Кристиан был моложе своего соперника и более искусен во владении шпагой: исход битвы был предрешён – де Торси получил смертельную рану.

Людовик XV ненавидел дуэли, считая сей метод выяснения отношений слабостью обоих соперников, не нашедших веские доводы, дабы решить свои проблемы мирным путём. Он лично допросил де Лаваль, Кристиан сослался на ту мелочь, из-за которой состоялась дуэль. Король, как человек умный и весьма опытный в сердечных делах, не даром его называли не только Великолепным, но и Возлюбленным, не поверил графу де Лаваль и учинил собственное

расследование. После которого он приговорил виновника к месяцу заключения в Бастилии, а госпоже де Лаваль приказал покинуть Малый двор королевы.

Королева пыталась заступиться за любимую фрейлину перед венценосным супругом, но напрасно – тот был непреклонен.

После позорного изгнания из Версаля, мадам де Лаваль удалилась в свой родовой замок и не искала встреч с мужем. Через пять лет она умерла.

* * *

Лаваль встал с постели, накинул халат и подошёл к окну. Ночное небо было на редкость ясным, и он начал рассматривать звёзды, но воспоминания нахлынули с новой силой. Граф вспоминал о том, что происходило после разрыва с женой: он ожесточился, постоянно искал дуэлей, провоцируя парижских дворян, в результате чего снова попал в Бастилию, но теперь уже на три месяца, что несколько охладило его пыл. Потом началась бесконечная череда женщин: дворянок, гризеток, актрис, камеристок... По прошествии времени он даже не помнил их имён. Да и зачем? – они были лишь развлечением.

Кристиан подошёл к столу и налил бокал вина, выпив его залпом, словно пытаясь остудить сердечный жар, сжигающий его последний месяц.

Впервые он увидел мадам д'Этиоль, когда она вышла из дома, дабы приветствовать короля и его свиту, следовавшего по Королевской дороге на охоту в предместье Сен-Жермен-ан-Ле.

В то время граф де Лаваль уже не состоял при дворе Его Величества и наблюдал за роскошным шествием со стороны. Многие дворяне, узнав, приветствовали его, – история с де Торси уже забылась, после неё Версаль потрясали и ни такие громкие скандалы.

Наконец, вереница всадников и карет с надушенными дамами проследовали, но мадам д'Этиоль всё ещё стояла около дороги, смотря вслед королевскому кортежу. Кристиан не знал, о чём думала Жанна-Антуанетта в тот момент, да его это мало интересовало, он как замороженный любовался ею.

После он пытался найти повод для встречи с мадам д`Этиоль, но напрасно, она редко покидала поместье, да и то в сопровождении мужа или камеристки.

Мадам д`Этиоль даже не подозревала, что идея приобретения лошади и дальнейших конных прогулок, была подана ей самим графом де Лаваль, дабы иметь возможность видеть её и познакомиться поближе. Умудрённый светской жизнью, граф поступил следующим образом: он нанял искусную наездницу из специальной «Парижской школы верховой езды» и она каждый день проезжала мимо дома четы д`Этиоль. Лошадь была прекрасной чёрной масти, наездница, облачённая в синюю атласную амазонку, безупречно держалась в седле. Мадам д`Этиоль, томимая каждодневным однообразием часто смотрела в окно второго этажа, что не осталось не замеченным графом де Лаваль, и он использовал своё наблюдение в определённых целях.

Глава 5

Жанна-Антуанетта очнулась: голова болела, было тяжело дышать. Над ней склонился мужчина.

– Ваше Сиятельство! Она пришла в себя!

Женщина попыталась говорить, но тут же закашлялась.

– Где я? Что со мной? – наконец вымолвила она.

– Сударыня, вы помните меня? – над Жанной-Антуанеттой склонился тот самый всадник.

– Да, я видела вас на лошади среди полей Сен-Дени, – сказала она и снова закашляла.

– Я – граф Кристиан де Лаваль, владелец замка Сент-Оноре, где вы сейчас находитесь. По всей видимости, вы упали с лошади. По крайней мере, я обнаружил вас без сознания. Я перевёз вас, простите за вольность, в своих объездах, так как не располагал каретой или повозкой, и возвращался верхом из

монастыря. Неожиданно я увидел вашу лошадь, она бродила по окраине леса, я сразу же её узнал и понял – с вами случилась беда.

– Благодарю вас, граф. О... как болит голова...

Жанна-Антуанетта попыталась приподняться, но безуспешно.

– Прошу, вас! Вам надо отдохнуть. Не волнуйтесь, я отослал вашему мужу нарочного с письмом, изложив всё самым подробным образом. С лошадью же все в порядке...

– Мужу... – Жанна-Антуанетта попыталась что-то вспомнить. – Кажется он – в Орлеане по делам своего доверителя.

– Ваше Сиятельство! Даме надо принять капли, – вмешался лекарь.

После того, как женщина выпила снадобье, она заснула.

* * *

На следующий день, рано утром у Жанны-Антуанетты открылся сильнейший кашель и появился жар. Лекарь графа опасался, что это – болезнь лёгких.

– Сделайте же что-нибудь! – кричал де Лаваль. – Эта женщина мне слишком дорога, чтобы её потерять так нелепо!

– Ваше Сиятельство! Болезнь лёгких не излечима – это приговор...

– Если она умрёт, я убью тебя! – невозмутимо заявил граф. – Ты не первый год служишь в моём замке и знаешь: я слов на ветер не бросаю.

Лекарь сник, понимая, что надо готовиться к смерти.

Жанна-Антуанетта прометалась в страшной горячке три дня. Лекарь пускал ей кровь и поил какими-то снадобьями собственного изготовления. На четвёртый день жар начал спадать. Но несчастная была так слаба и бледна, что, казалось,

умрёт в любой момент.

Граф почти не спал все эти дни: он молил Господа оставить ему мадам д'Этиоль.

* * *

Когда граф вошёл в комнату больной, та дышала часто и неглубоко. Кристиан подумал – это конец. Он разделся, лёг в постель и обнял Жанну-Антуанетту. Лаваль прислушался к её дыханию – оно было еле слышным. Граф окончательно решил – отходит.

И тогда им овладело безумие, он воскликнул:

– Я так страстно желал тебя после нашей встречи! Неужели это всё?!

Он осыпал измождённое болезнью лицо своей желанной поцелуями, обнимал её, безудержно рыдая.

На эти звуки в комнату вбежал лекарь, думая, что женщине нужна его помощь. И увидев подобную сцену, решил, что граф тронулся умом от горя.

– Ваше Сиятельство! – бросился он к господину. – Опомнитесь, она умирает! Вы желаете её умирающую? Подумайте: какой это грех!

Лаваль очнулся от приступа безумия.

– Да, да... вы правы...

Он вышел из комнаты прямо в нижнем белье.

Неожиданно Жанна-Антуанетта открыла глаза.

– Я видела ангела. Он сказал, что моё время ещё не пришло...

От удивления лекарь на мгновение потерял дар речи. Он подбежал к двери, распахнул её и закричал что ест сил:

– Она жива! Она очнулась! Она не умрёт!!!

Женщина посмотрела на лекаря.

– Умоляю вас, не кричите – у меня болит голова. Я хочу есть...

Лекарь перекрестился, в это момент в комнату вбежал граф в распахнутом халате.

– Ваше Сиятельство, больная хочет есть. Кризис миновал. Болезнь отступает.

Лаваль почувствовал, что буквально теряет сознание.

* * *

Господин Франсуа д`Этиоль направился в замок Сент-Оноре тотчас же по прибытии из Орлеана. Прочитав письмо, он устроил выволочку прислуге, дворецкому и камеристке жены, Флоранс, выказав своё крайнее недовольство. В послании графа де Лаваль было сказано о том, что мадам лучше не беспокоить и не перевозить с места на место и его искусный лекарь сделает всё возможное и невозможное. Но господин д`Этиоль, как человек закончивший Сорбонну, прекрасно понимал, чем может закончиться подобная простуда для Жанны-Антуанетты: либо смертью, либо, при благополучном исходе, вялотекущей чахоткой, которая непременно проявится впоследствии.

Он приказал готовить карету и, прихватив с собой камеристку, направился в Сент-Оноре. Дорога не заняла много времени, монастырские хлеба были уже убраны, и поля смотрелись бледно-жёлтыми.

Несмотря на то, что господин д`Этиоль всю свою жизнь прожил в Сен-Дени, от которого до Сент-Оноре было буквально несколько лье, он ни разу не видел родового гнезда семейства де Лаваль. Замок показался ему мрачным и безрадостным. Его сторожевые башни, построенные ещё во времена правления династии Валуа, производили угнетающее зрелище. Франсуа почувствовал

неприязнь к замку. Когда он посмотрел из окна кареты на машикули[7 - Машикули – зубцы, венчающие башню или стены. Обычно за ними прятались лучники.], венчавшие высокие стены, ему показалось, что вот-вот из-за них появятся лучники и с диким криком «Дени Монжуа[8 - Дени Монжуа – в переводе означает «За Святого Дениса», средневековый боевой клич рыцарей.]» выпустят поток смертоносных стрел.

Наконец карета въехала во внутренний двор, предупредительный мажордом графа встретил гостей, если их так можно было назвать в тот момент.

* * *

Жанна-Антуанетта по-прежнему лежала в постели, она сильно похудела, на лице, казалось, остались лишь глаза, отчего они стали крупнее и глубже. Мажордом любезно проводил господина д`Этиоля к его жене, где около неё хлопотал лекарь.

Франсуа бросился к супруге, забыв о том, что приличный человек должен поприветствовать присутствующих. Лекарь, с пониманием посмотрев на любящего супруга, не придавал сему обстоятельству ни малейшего значения.

– Дорогая!!! – Франсуа целовал жену. – Как вы? Письмо графа я прочёл только утром, прибыв из Орлеана.

– Не волнуйтесь, мне гораздо лучше, благодаря стараниям придворного медика.

Жанна-Антуанетта кивнула головой в сторону лекаря.

– О, сударь! Как мне вас отблагодарить? – Франсуа попытался достать кошелек.

– Нет, нет! Что вы! Об этом не может быть и речи! Лучше окажите мне услугу юридического характера.

– Конечно, всё, что пожелаете! Приходите ко мне на приём завтра по адресу...

– Господин д`Этиоль, всё предместье Сен-Дени и Сент-Оноре знают, где находится ваша юридическая контора, – с неподдельным почтением произнёс лекарь.

Франсуа несколько удивился, но ему было приятно это услышать.

– А где же граф де Лаваль? Я непременно должен выразить ему слова благодарности. Если бы не он: что стало бы с госпожой д`Этиоль?!

– Увы, мой господин отбыл в Париж по делам, – пояснил лекарь.

На самом деле граф находился в своём кабинете, не желая видеть Франсуа д`Этиоль, вызывавшего в нём ревность: ведь тот на правах мужа обладал Жанной-Антуанеттой!

– В таком случае, я напишу письмо господину де Лавалю и пришлю его с нарочным, – решил Франсуа.

* * *

Жанна-Антуанетта набиралась сил, состояние её заметно улучшилось, и она уже могла ходить по своей спальне. Франсуа каждое утро, прежде чем отправиться по делам, заглядывал к жене, справляясь о её здоровье, и только после поцелуя удалялся.

Мадам д`Этиоль тосковала по конным прогулкам, теперь она, увы, не скоро окажется в седле. В последние дни, после прибытия из Сент-Оноре, её охватила необъяснимая тоска. Она пыталась разобраться в своих чувствах, списывая своё угнетённое состояние на слабость после болезни. Но иногда ей казалось, что дело в другом.

Жанна-Антуанетта вспоминала первую встречу с графом де Лаваль, затем пребывание в замке, где граф окружил её заботой. Мадам д`Этиоль чувствовала, как может чувствовать только женщина: несомненно, она не безразлична де Лавалю.

Она попыталась вспомнить его внешность: пожалуй, не высок ростом, но сложен хорошо, изыскан в одежде, приятен... Что еще? – тёмные волосы, прямой аристократический нос, карие глаза... Жанна-Антуанетта вспомнила его взгляд: дерзкий, страстный, проникающий в женское естество... Из чего, пожалуй, можно сделать вывод: граф весьма умудрён жизненным опытом и познал много женщин.

Но Жанне-Антуанетте было безразлично: сколько именно женщин было у графа, ведь она – замужем. Вскоре ей пришлось признать: она желает де Лавалья, он будоражит её воображение. Женщина испугалась своих мыслей и взяла молитвенник. Но, увы, она была не набожна и редко читала подобные вещи.

Осилив пару страниц священный текст, Жанна-Антуанетта предалась любовным грёзам, которым никто не мог помешать и о которых никто не мог узнать.

Глава 6

Весь остаток осени, зиму и начало весны мадам д'Этиоль не покидала своего дома в Сен-Дени. Её муж постоянно пребывал в разъездах по делам своих доверителей, а если же выдавались короткие дни отдыха, Жанна-Антуанетта к своему ужасу обнаруживала, что совершенно потеряла интерес к супружеским обязанностям.

Франсуа больше не был предупредительным, он был занят делами, клиентами, даже дома он постоянно думал о том, как лучше провести ту или иную сделку, либо как оформить документы, чтобы они имели силу не только во Франции, но в Испании или Германии.

Жанна-Антуанетта ощущала опустошённость, всё её пресытило: и чтение, и вышивание, и игра на клавесине и выслушивание сплетен, красочно рассказываемых Флоранс. Женщина постепенно теряла интерес к жизни: её перестали интересовать наряды, украшения, она более не выезжала в Париж, не посещала модных магазинов, театр и вовсе вызвал у неё отвращение. Господин д'Этиоль, в силу своей занятости, не замечал перемены, происходящие с женой.

Наконец наступил апрель, солнце пригревало землю, и Жанна-Антуанетта чуть ожила, решив совершить прогулку на Каринэ, которая застоялась в конюшне. Она и забыла, что амазонка была испорчена и отдана на милость прислуге, поэтому надела тёмно-синее дорожное платье, небольшую шляпку, перчатки и нежно-розовый шарф, который она повязала на шею.

Пейзажи Сен-Дени начали пробуждать в Жанне-Антуанетте интерес к жизни, она обогнула лес и, направив Каринэ галопом, промчалась среди монастырских полей. Женщина ощутила запах земли, прошлогодней травы и свежести, что придало ей сил, она хлестнула лошадь кнутом по крупу и стремительно помчалась в Сент-Оноре.

Замок не произвёл на Жанну-Антуанетту удручающего впечатления, как на господина д`Этиоля, напротив, она почувствовала лёгкое возбуждение. Наездница пересекла мост, переброшенный через ров, который некогда, во времена Столетней войны, наполняла вода и, не покидая седла, постучала медным кольцом в ворота, предназначенным для подобных случаев.

В воротах отворилась калитка, появился стражник, облачённый в геральдические цвета Лаваля – тёмно-зелёный и жёлтый.

– Мадам! – удивился тот. – Вы к господину графу?

– Да. А что, его нет в замке?

– Увы, мадам, вот уже два месяца. Сначала он направился в Париж, а потом и вовсе Бог знает куда.

Стражник вздохнул.

– Хорошо. Не позволите ли вы мне въехать в пределы замка и написать письмо для графа? – поинтересовалась мадам д`Этиоль.

– Конечно, прошу вас, мадам. Ей, Рамбаль, отворяй ворота!

Жанна-Антуанетта проследовала во внутренний двор, стражник помог ей спешиться.

– Мадам, сейчас я позову мажордома, он предоставит вам бумагу, перо и чернила.

– Благодарю вас, сударь, вы очень любезны.

От таких слов стражник расплылся в улыбке и помчался за мажордомом. Тот не заставил себя ждать.

– Ах, мадам д'Этиоль, – мажордом узнал гостью, – простите, что сразу не проводили вас в гостиную. Ваш визит – такая неожиданность...

– Да, понимаю, я непрошенный гость.

– Отнюдь, мадам! Прошу вас, я провожу и обеспечу всеми необходимыми письменными принадлежностями.

* * *

Жанна-Антуанетта удобно расположилась за огромным столом в гостиной. Она обмакнула гусиное перо в изящную серебряную чернильницу и написала:

«Сударь!

Пожалуй, что такое обращение к вам наиболее подходит в данный момент и соответствует моему теперешнему настроению.

Все прошедшие месяцы, а их было ровно шесть, я не переставала думать о вас. Понимаю, что весьма дерзко говорить об этой женщине. Но я не хочу скрывать своих истинных чувств. И дело не в том, что вы спасли мне жизнь, безусловно, я испытываю к вам чувство благодарности, но не только. Чувства, доселе неизвестные, переполняют моё сердце. Я не знаю, как выразить их на бумаге, но одно знаю точно – я снедаема желанием видеть вас снова.

Жанна-Антуанетта д'Этиоль».

* * *

Жанна-Антуанетта отужинала в компании своего супруга, тот как обычно, сопровождал трапезу постоянными рассуждениями о законах, правах буржуа и так далее и тому подобное.

Жанна-Антуанетта не смотрела на своего супруга, не слушала его, а уделяла должное внимание лишь своей тарелке. Её прелестную головку одолевали мысли совершенно иного содержания: она корила себя за то, что открылась перед графом в своих истинных чувствах, он же – хранил молчание.

Наконец мадам д'Этиоль поднялась в свои покои и устроилась в кресле около камина. В дверь постучали.

– Входите...

– Мадам, вам письмо, – произнесла Флоранс чуть слышно.

– Отчего ты говоришь так тихо? Ты простудилась? – поинтересовалась госпожа.

– Нет, мадам, я здорова. Просто это письмо попало ко мне при очень щекотливом обстоятельстве, о котором я хотела бы умолчать... Вот, – Флоранс протянула письмо.

Неожиданно Жанна-Антуанетта ощутила волнение: на письме не был указан адрес и получатель, но оно было скреплено сургучной печатью с изображением двух скрещенных мечей и короны. Она тотчас же развернула его.

«Мадам!

Простите великодушно, что не отвечал целый месяц на ваше послание. Дело в том, что я только что вернулся из Фонтенбло, где принимал участие в охоте Его Величества.

Я отнюдь не осуждаю вас за смелость, так как считаю, что женщина, кем бы она ни была, имеет право на проявление своих чувств. Вы достаточно сказали мне в

письме, я же, в свою очередь, всё прекрасно понял и должен признаться, что одержим подобными чувствами весь остаток осени и всю зиму. Затем, дабы избавить себя от безумного наваждения, отправился в Париж и далее – в Фонтенбло. Но теперь понимаю, что всё тщетно. Эти чувства вернулись и охватили меня с новой силой.

Жду вас завтра в полдень около леса Сен-Дени.

Граф Кристиан де Лаваль».

* * *

Жанну-Антуанетту охватил трепет: она может рассчитывать на взаимность!

Дверь спальни отворилась, вошёл господин д`Этиоль.

– Мон шер! Не желаете ли вы прогуляться до монастыря Сен-Дени? Мы можем посетить часовню и помолиться. Погода стоит прекрасная, вам вполне можно пройтись, это полезно для лёгких.

Жанна-Антуанетта растерялась, она всё ещё пребывала под действием письма, которое она, кстати, так и держала в руке.

– От кого письмо? – поинтересовался Франсуа.

Жанна-Антуанетта не успела ничего придумать, а потому ответила:

– От нашего соседа графа де Лаваль, он вернулся в замок, и интересуется моим здоровьем...

– Да, да! Граф! Прекрасный человек... Правда я его никогда не видел. Дорогая, вы составите мне компанию на прогулке?

– Конечно, – мадам д`Этиоль встала с кресла и сложила письмо.

* * *

Монастырь Сен-Дени имел богатую историю. Первые его стены были возведены ещё королём Хлодвигом больше тысячи лет назад на месте небольшой деревеньки с одноимённым названием, в те времена, когда Париж именовался римским названием Лютеция. Затем монастырь подвергся нападению викингов, бургундов, саксов, самих же французов, англичан в бесчисленных феодальных войнах.

Господин д'Этиоль не был сентиментален, но как человек окончивший Сорбонну, прекрасно знал об этих исторических событиях. Он в очередной раз пытался рассказать жене историю Сен-Дени, та из вежливости кивала, мыслями находясь совершенно в другом месте.

Действительно, прогулка по свежему апрельскому воздуху пошла на пользу: щёки Жанны-Антуанетты приобрели здоровый розовый цвет, и когда она входила в часовню, то почувствовала, что уже может дышать полной грудью, не ощущая дискомфорта, который преследовал её все шесть месяцев после болезни.

Войдя в часовню, женщина ощутила прохладу старинных каменных стен и запах горящих свечей. Она подошла к распятию, попыталась сосредоточиться, дабы прочесть молитву. Ничего не получалось. Тогда Жанна-Антуанетта посмотрела на мраморное изваяние Божьей матери, ей показалось, что Дева Мария взирает на неё с осуждением.

Женщина испугалась, слова молитвы, известные с детства мгновенно улетучились из памяти.

* * *

Вечером, когда Жанна-Антуанетта уже легла в постель, в её спальню вошёл Франсуа.

– Дорогая, я к вам.

Он снял халат, откинул одеяло и лёг рядом с женой.

Женщина посмотрела на своего супруга, вовсе не желая его как мужчину, пытаясь найти предлог, дабы отказать ему в исполнении супружеских обязанностей. Но не успела, Франсуа обнял её и начал целовать шею, затем грудь. Его руки скользнули под шёлковую сорочку...

Жанна-Антуанетта чувствовала его пальцы, они ласкали её тело, не спеша подбираясь к заветному месту... И вот они достигли цели... Женщина с ужасом поняла, что не испытывает никаких эмоций, то что раньше возбуждало её желание, теперь казалось таким вульгарным и назойливым. Увы, муж более не интересовал Жанну-Антуанетту.

Настроение у Франсуа было прекрасным, он отдохнул, прогулка пошла ему на пользу и он страстно желал супругу.

Франсуа раздвинул ноги жены и вошёл в неё, она машинально обняла его за спину, желая лишь одного – чтобы муж получил желаемое удовлетворение и оставил её в покое. Жанна-Антуанетта ощущала в себе плоть супруга, недоумевая, отчего всё так изменилось? – она не то, что не испытывала наслаждения, скорее воспринимала происходящее как повинность.

Наконец возбуждение Франсуа достигло апогея: его семя изверглось. Он немного отдышался и лёг рядом с женой.

– Вы были холодны со мной. Отчего, позвольте узнать? У вас дурное настроение?

Жанна-Антуанетта не знала, что и ответить, понимая, муж ни в чём не виноват, просто так сложилось в жизни: она вышла за него по желанию отчима, как за юриста, подающего надежды, желая обеспечить себя, иметь дом, мужа, детей – и только! А была любовь? – кто теперь знает, прошло столько лет...

Жанна-Антуанетта понимала, что надо ответить мужу, сказать что-то, найти оправдание своей холодности, но, увы, не могла.

– Спокойной ночи, дорогая, – пожелал Франсуа и удалился в свои покои, оставив жену наедине с её противоречивыми мыслями.

В течение последнего года Мари-Жанна только и слушала рассказы о балах, праздниках, карнавалах, театрах и любви. Даже когда ей приходилось составлять эскизы траурных платьев, она старалась скрыть уныние и печаль, пытаясь придать им больше грациозности и печального благородства.

Вдовы же, или просто родственницы усопших, пребывающие в трауре, исходя из светских правил приличия, вовсе не желали носить эти чёрные атласные платья слишком долго и прикрывать свои лица плотной вуалью. Поэтому, как правило, платья дополнялись шляпками, причём весьма кокетливыми для таких мероприятий, как похороны. Хотя они и шились из чёрных тканей, но щедро украшались чёрными стразами, чёрными шёлковыми и атласными лентами, всевозможными рюшами и, наконец, соответствующего цвета перьями.

Мари-Жанна свыклась со своими обязанностями, но мечталось совершенно о другом. Работая в таком месте, как модный магазин, куда приличные матери и вовсе не отдадут своих дочерей: как избежать всеобщей участи соблазна? Девушка замечала вожделенные взгляды мужчин, некоторые из них были весьма не дурны собой, но дальше взглядов дело не шло.

Однажды Эжени, товарка Мари-Жанны, заметила:

– Посмотри, вон тот седой господин, что пришёл сюда с толстухой-женой, постоянно смотрит на тебя. В его взоре можно почитать восхищение и желание.

– Я заметила, – сказала прелестница, продолжая корректировать эскиз бального платья.

– Неужели тебе всё равно? Он явно богат, у него титул прямо на лбу написан: барон де...

Мари-Жанна улыбнулась.

– Что я могу сделать? Во-первых, он – с женой. Во-вторых, он слишком стар для меня.

– Зато опытен и не ревнив, – заметила многоопытная Эжени. – Эх, учить тебя ещё и учить.

Эжени исполнилось уже двадцать лет, и она не брезговала побочным приработком, весьма сомнительного характера.

– Так у тебя денег никогда не будет. На наше жалованье едва можно прокормиться, и то с трудом, – продолжала шептать Эжени.

Мари-Жанна отмахнулась, ей хотелось сначала любви, потом уже – богатства.

* * *

Модистки месье Лябиля занимали комнаты в мансарде, но маленьких помещений было гораздо больше, нежели девушек, поэтому хозяин сдавал их постояльцам за сравнительно приемлемую цену.

Некто господин Дюваль, молодой моряк, снял комнату в мансарде модного магазина. Он был высок, строен, хорошо развит физически, красив, что, безусловно, не ускользнуло от глаз многоопытных модисток, но у него отсутствовало самое главное – деньги.

Модистки, завидев Дюваля, посмеивались и строили ему глазки, вовсе не претендуя на его сердце. Моряк, же попав в подобный цветник, порой пребывал в смятении, отчего по ночам его часто мучили сны эротического содержания.

Мари-Жанна также заметила моряка, она несколько раз сталкивалась с ним на лестнице и около магазина. Её девичье сердце трепетало при виде красавца, а воображение распалялось все больше и больше.

Эжени сразу же поняла: отчего её подруга краснеет при упоминании Дюваля, и высказалась по этому поводу:

– Мари-Жанна, конечно, господин Дюваль красив, но – и только. Что можно получить от моряка кроме любви, которая закончится, как только он снова уйдёт на каком-нибудь утлом судёнышке по Уазе[9 - Компьен стоит на реке Уаза, которая впадает в Сену.]. И даже, если ты выйдешь за него замуж, подумай:

какая жизнь тебя ждёт!

Девушка молчала, не слушая наставления подруги. Она решила добиться любви Дюваля.

* * *

Вернувшись однажды домой поздно ночью из одного из известных на весь город борделей, господин Дюваль обнаружил на своей двери рисунок, а вернее портрет, – несомненно, был изображён именно он, молодой щёголь узнал себя, несмотря на нетвёрдую руку художника или, скорее всего, художницы.

Дюваль снял свой портрет, вошёл в комнату и попытался разглядеть его при свете свечи более внимательно, пытаясь найти подпись автора. Но, увы, таковая отсутствовала. Любопытство разгорелось до такой степени, что моряк прикрепил портрет на внутреннюю сторону двери и не мог заснуть, мысленно перебирая всех модисток модного магазина, прикидывая: кто же из девушек решился на столь дерзкий шаг выказать свои чувства.

Перебрав почти весь персонал, он пришёл к выводу, что, пожалуй, любая из модисток, могла таким дерзким образом сделать мужчине шаг навстречу. Столь необычный поступок «мадемуазель инкогнито» настолько распалил его горячую кровь, что он окончательно лишился сна.

Под утро, утомлённый переживанием и любовными фантазиями, он так устал, что, наконец, задремал, как вдруг раздался стук в дверь. Дюваль открыл глаза, ещё пребывая в полудрёме и плохо соображая из-за бессонной ночи.

Молодой человек распахнул дверь, но таинственный посетитель скрылся, убегая по лестнице, оставляя за собой шлейф недорогих духов, полюбившихся модисткам в последнем сезоне.

– Ох уж – эти женщины! – воскликнул он. – Право, не знаешь, что от них ожидать! Сначала раззадорят, а затем – убегут прочь!

Дюваль задумался над происшедшим: то, что таинственный художник – модистка, он уже не сомневался. Вопрос: кто она? Отчего убежала, совершил

доселе такой смелый поступок? Неужели она – девственница?.. Поток вопросов захлестнул Дюваля, и он растерялся.

Молодой человек оделся и направился на прогулку, дабы скоротать время и зайти в ресторанчик перекусить, – ведь судно уходит по Уазе только через три дня. Дюваль мысленно перебрал всех красоток, которые заставляли трепетать его сердце последние годы, а их он повидал на своём веку: и в Париже, и в Руане, и в Гавре. Но сейчас – совсем другое, его полюбила девушка, пусть и модистка, – они, конечно, почти все – кокетки: но разве можно её сравнивать с теми женщинами из портовых борделей, порой и красавицами?

Дюваль машинально ел, предвкушая романтическое приключение. Конечно, девушка была небогата, иначе бы она не служила у Лябиля, но то, что она – молода и, скорее всего, невинна, придавало сим обстоятельствам ещё больше пикантности. Молодой человек вновь попытался припомнить всех модисток: кто же из них ещё сохранил невинность? – вряд ли такую наедёшь у Лябиля, но неожиданно вспомнил про юную Мари-Жанну, решив, что, скорее всего, она – автор портрета.

Дюваль выпил вина и, пребывая в прекрасном настроении, предвкушая очередную интрижку с аппетитной прелестницей, направился в порт, где было пришвартовано торговое судно, принадлежавшее казне, на котором он имел несчастье служить помощником боцмана.

По дороге он расточал улыбки перезревшим дамам, понимая, что только удачная женитьба, пусть даже на женщине старше по возрасту или вдове, может избавить его от ненавистной службы.

Вечером, вернувшись в свою крохотную комнату, молодой человек взял рисунок и, подписав на нём карандашом: «Я очень хотел бы познакомиться с художником, нарисовавшим этот портрет», повесил его на внешней стороне двери.

Ответ не заставил себя ждать. В тот же вечер он услышал лёгкий стук в дверь, но когда отворил её, «мадемуазель инкогнито» опять скрылась, то ли испытывая неловкость, то ли напротив – завлекая мужчину в опытно расставленные сети, возбуждая в нём страстное желание.

Дюваль пребывал в смятении: сначала ему хотелось броситься за таинственной соблазнительницей, но он вовремя опомнился, прекрасно понимая, что заведение Лябиля – магазин с хорошей репутацией, где надо соблюдать нормы приличия чего бы это ни стоило, и здесь не пройдут вольности, достойные портовых борделей Руана и Гавра.

Мужчина, раздосадованный странным поведением модистки, вернулся в комнату, лёг на кровать и попытался заснуть, так как предыдущая ночь из-за смятения чувств выдалась бессонной.

Но только Дюваль начал засыпать, как в дверь опять постучали. Молодой человек ринулся открывать, подобно хищнику, бегущему за добычей, ему во чтобы-то ни стало хотелось схватить за руку «мадемуазель инкогнито», нарушившую его спокойный уклад жизни.

Но за дверью никого не было, прелестница оказалась проворней моряка, которому были привычны трап и морские снасти, она опять скрылась, распространяя по узкой винтовой лестнице шлейф жасминовых духов.

Однако проворность Дюваля была вознаграждена сполна: на двери висел автопортрет прелестницы, и моряк безошибочно определил в нем Мари-Жанну. Внизу была приписка: «Это я».

Автопортрет, изображённый неумело, – по всему видно, юная художница смотрелась в зеркало, пытаясь запечатлеть своей облик, – всё же передавал прекрасный овал лица, большие, красивой формы глаза и роскошные волосы, завязанные сбоку, над правым ухом, как бы небрежно, но в тоже время кокетливо, в виде естественных локонов.

Дюваль залюбовался девушкой, его пылкое воображение рисовало ему любовные сцены полные страсти. У него мелькнула порочная мысль: «Пусть она невинна, это даже лучше... Научу её всему, и даже тому, что умеют раскрашенные девицы в Руанском порту. Главное – возбудить у неё желание и интерес к подобного рода вещам...»

* * *

На утро господин Дюваль привёл себя в порядок и направился в магазин Лябиля, найдя для себя достойный предлог – купить новый бант для шпаги.

Войдя в магазин, он начал разглядывать модисток, ища среди них очаровательную соблазнительницу.

Она стояла несколько поодаль от девушек, разговаривая с дамой средних лет достаточно приятной наружности, не утратившей свежесть лица. Почему-то Дюваль, глядя на женщину, подумал: «Вдова...»

Мари-Жанна рисовала в блокноте очередной набросок. Подойдя ближе, Дюваль услышал разговор юной художницы и вдовы:

– Милочка, я хотела бы бертэ[10 - Бертэ – широкая оборка по линии декольте.], возможно даже из кружев с золочёной нитью. Затем по линии рукава – блонды[11 - Блонды – рюши из тонкого шёлка или кружев.], также с золотом. Ах, наконец-то, я могу носить яркие наряды. Последний год я только и знала, что носила чёрное, – трещала дама.

– Вас постигло горе, мадам, примите мои искренние соболезнования, – посочувствовала Мари-Жанна.

– Благодарю вас, милочка. Но, право, не стоит. Мой покойный муж был на двадцать лет старше меня, изводил постоянной ревностью, не давал прилично одеваться... И вообще был страшным скрягой. Подумать только, я прожила с ним почти восемь лет. Но ничего, я ещё молода, мне только двадцать семь лет. К тому же, покойный оставил мне солидное состояние. И теперь я могу наслаждаться жизнью и тратить деньги на своё усмотрение.

Дюваль с удовольствием смотрел на даму и юную художницу. «Одну я соблазню, а на второй, пожалуй, женюсь...», – подумал он.

Он залихватски крутанул ус и вложил в свой взгляд всё искусство обольстителя, на которое только был способен. А так как собеседницы стояли рядом, каждая приняла сей страстный взгляд на свой счёт.

Дюваль вышел из магазина – перед входом стояли две кареты, одна из них явно принадлежала куртизанке, на этот счёт у моряка было профессиональное чутьё, другая же, более скромная, с менее яркой отделкой, – вдове, желавшей жить в своё удовольствие.

Он занял выжидательную позицию, а так как торопиться было некуда, время пролетело незаметно за разного рода мыслями. И вот, наконец, появилась вдова. Она вышла из магазина в сопровождении компаньонки, нагруженной покупками. Кучер тотчас открыл дверь кареты и хотел протянуть руку госпоже, дабы той было сподручнее встать на отброшенные им ступеньки, но Дюваль ринулся вперёд, опередив слугу, и элегантно протянув руку вдове. Та растерялась, кучер хотел огреть наглеца плёткой, но женщина остановила его взглядом. Дюваль ликовал, дама была явно заинтригована, она улыбнулась и оперлась на предложенную руку кавалера.

– Благодарю вас, сударь. Простите, но не припомню: мы встречались с вами ранее? – спросила вдова.

– О нет, мадам, я лишь томимый любовными надеждами, наблюдал за вами издали, ведь вы – замужем. Как я мог подойти к вам! Ваш муж – он настоящий ревнивец!

Женщина улыбнулась, обнажив ослепительно белые зубы. Дюваль почувствовал, что она нравится ему не только из-за денег.

– Я вдова, вот уже более года, – сказала дама.

– О! Мои соболезнования! Но в то же время, простите за дерзость: могу ли я надеяться на встречу с вами?

– Конечно, сударь. Но для начала – представьтесь.

– Клод Дюваль, дворянин, но, увы, разорившийся. Вынужден служить на торговом судне королевского флота. Я разочаровал вас своей откровенностью?

Вдова уже села в карету, поправила платье и протянула Дювалю руку для поцелуя.

– Отнюдь, сударь. Вы – честны со мной с первой же встречи, что весьма похвально. Я – Луиза Валанс, вдова. Живу на площади Святого Доминика, в доме с мансардой, увитой диким виноградом. Буду весьма рада, если вы посетите меня и отведаете чашку горячего шоколада с круассанами. До встречи, сударь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/oliviya-kleymor/francuzskaya-messalina/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Бальянж – административное деление во Франции.

2

Баптистерий – купель для крещения под восьмиугольной крышей, окружённой галереей.

3

Маседуан – тушёные овощи с мясом.

4

Людовик Великолепный предпочитал Версаль парижскому Лувру.

5

Восстание крестьян в 1358 г..

6

Вечерняя молитва монахов, обычно перед заходом солнца.

7

Машикули – зубцы, венчающие башню или стены. Обычно за ними прятались лучники.

8

Дени Монжуа – в переводе означает «За Святого Дениса», средневековый боевой клич рыцарей.

9

Компъен стоит на реке Уаза, которая впадает в Сену.

10

Бертэ – широкая оборка по линии декольте.

11

Блонды – рюши из тонкого шёлка или кружев.

Купить: <https://tellnovel.com/oliviya-kleymor/francuzskaya-messalina-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)